

340
П21

О

СОВРЕМЕННОМЪ ДВИЖЕНІИ ВЪ НАУКѢ ПРАВА.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ГОДОВОМЪ СОБРАНИИ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 14 ФЕВРАЛЯ 1882 ГОДА,

С. В. ПАХМАНОВЪ

заслуженнымъ профессоромъ и почетнымъ членомъ университетовъ:
с.-петербургскаго, казанскаго и харьковскаго.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1882

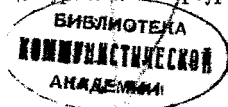
77877
1585-1872

KB

1

П-21

Доволено цензурою. С. Петербургъ. 20 марта 1882 г.



439
32

О СОВРЕМЕННОМЪ ДВИЖЕНІИ ВЪ НАУКЪ ПРАВА.

М.м. Г.г.

Въ наше время, все чаще и чаще, слышатся нареканія на практику, какъ судебную, такъ и законодательную и административную. Она обвиняется или въ рутинѣ или въ отсутствіи основательности и системы, а причину такого явленія обыкновенно усматриваютъ въ отчужденіи практики отъ науки. Въ самомъ обвиненіи есть, несомнѣнно, нѣкоторая, даже значительная доля правды; что же касается указанной причины, то она представляется въ высшей степени сомнительною. Спросъ на науку въ настоящее время, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде. Мало того: можно бы привести немало доказательствъ въ подтвержденіе того, что современная практика далеко уже отстала отъ слѣпой вѣры въ авторитеты: она требуетъ твердыхъ руководящихъ началъ, она ищетъ отвѣта въ принципахъ, имѣющихъ положительную научную основу. Вопросъ лишь въ томъ: соотвѣтствуетъ ли спросу предложеніе и настолько ли это предложеніе удовлетворительно, чтобы практика не была поставлена въ необходимость сторониться отъ науки, относиться къ ней съ недоувѣріемъ? Должно сознаться, что и въ самой наукѣ дѣло

обстоятъ не совсѣмъ благополучно: матеріала накоплено много, отдѣльные вопросы до извѣстной степени разработаны, а общія начала составляютъ какъ бы камень преткновенія; первыя страницы въ каждой отрасли нашей науки сами изображаютъ собою знакъ вопроса. Не трудно угадать и причину такого явленія. Она заключается въ томъ, что далеко еще не разрѣшенъ окончательно вопросъ: откуда и какъ черпать основы для науки. Многое изъ того, что прежде считалось бесспорнымъ, подверглось сомнѣнію; многіе изъ прежнихъ научныхъ кумировъ осмѣяны и свергнуты, и закинула усиленная работа для отысканія новыхъ путей и источниковъ научнаго знанія. Словомъ, вновь выдвинуть вопросъ о задачахъ и приѣмахъ научнаго изслѣдованія.

Для рѣшенія практическихъ вопросовъ, конечно, важно знать лишь результаты научныхъ изслѣдованій, и мало интереса заглядывать въ самую лабораторію науки. Но въ ученыхъ обществахъ, каково наше, не бесполезно, по крайней мѣрѣ изрѣдка, отрывать отъ живыхъ вопросовъ современной жизни и обращаться къ вопросамъ о самой наукѣ—что въ ней дѣлается, какія имѣются въ виду новыя въ ней построенія, улучшенія и т. п. Избравъ предметомъ рѣчи современное движеніе въ наукѣ права, я хотѣлъ очертить лишь то стремленіе къ лучшей постановкѣ этой науки, которое является теперь господствующимъ, и притомъ преимущественно въ той его формѣ, въ какой оно успѣло уже вполне обозначиться и даже получить нѣкоторый авторитетъ въ нашей отечественной литературѣ. Въ подробности я вхожу теперь не намѣренъ и ограничусь, по возможности, самыми общими соображеніями какъ въ характеристикѣ, такъ и въ оцѣнѣ указаннаго стремленія.

I.

Наука права, какъ извѣстно, получила самостоятельность впервые у римлянъ, и хотя она сама себя характеризовала весьма широко, напр. въ смыслѣ „*divinam atque humanam*

regum potitūa, iusti atque iniusti scientia“, но на самомъ дѣлѣ раз-работывалась преимущественно какъ система юридическихъ нормъ, примѣняемыхъ въ судебной практикѣ, и касалась почти исключительно т. н. частнаго права. Такой характеръ, независимо отъ нѣкоторыхъ измѣненій въ приѣмахъ изслѣдо-ванія, наука права сохранила и по нынѣ. Тотъ же харак-теръ привился, болѣе или менѣе, и къ тѣмъ специальнымъ наукамъ, которыя образовались впоследствии въ области пуб-личнаго права, хотя рѣшительное и преобладающее господство осталось за нимъ въ наукахъ гражданского и уголовного права, какъ такихъ отрасляхъ знанія, которыя имѣютъ бли-жайшее примѣненіе въ судебной практикѣ: это главные пред-ставительницы юридической науки въ собственномъ смыслѣ или т. н. юриспруденціи.

Независимо отъ юридической науки, и гораздо ранѣе ея появленія, вопросы права стали предметомъ особаго рода из-слѣдованій—на общей почвѣ философін. Начиная съ древней Греціи, философскихъ системъ, относящихся прямо или кос-венно къ области права и политики, было построено множе-ство. Но намъ на нихъ останавливаться нечего. Имѣя въ виду лишь современное научное движеніе въ области права, мы считаемъ достаточнымъ взять за исходную точку то фи-лософское направленіе, которое послужило однимъ изъ силь-нѣйшихъ стимуловъ для зарожденія нынѣшняго направленія. Я говорю о т. н. школѣ естественнаго права. Мысль о есте-ственномъ правѣ была знакома и древнему міру, но въ но-вой исторіи она выдвинулась и получила самостоятельное развитіе преимущественно подъ вліяніемъ неурядицъ обще-ственнаго характера. Она выросла изъ сознанія, что наука, посвященная изученію права, не можетъ ограничиваться ин-тересами суда, но должна быть и служительницей обществен-ной жизни, что она не можетъ довольствоваться интерпре-таціей юридическаго матеріала, но должна стать выше его, взять на себя роль судьи и критика. Философская мысль оста-новилась на томъ, что наука должна сама создать общее, нормальное право. Эта мысль проявилась въ самыхъ разно-

образныхъ ученійхъ, но общій ихъ смыслъ сводился къ тому, что идея права дана человѣку отъ природы и должна служить единственнымъ источникомъ, изъ котораго, при посредствѣ разума, могутъ быть почерпнуты и развиты начала, которыми бы опредѣлялись общественныя отношенія; изъ такихъ началъ и должно образоваться неизмѣнное, абсолютное право, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ, а построение системы такого права, на указанной основѣ, и объявлено задачей науки. При этомъ отношеніе естественнаго права къ положительному опредѣлялось различно: или такъ, что прямо должны быть отвергнуты всѣ положительныя нормы, стоящія въ противорѣчій съ началами естественнаго права, или такъ, что положительное право сохраняетъ силу, насколько оно заключаетъ въ себѣ лишь видоизмѣненія этихъ началъ, при чемъ допускались изъятія въ пользу учреждений чисто-положительнаго характера, которыхъ изъ чистаго разума вывести нельзя, какова напр. давность, или же, наконецъ, положительное право должно относиться къ естественному, какъ вспомогательному, субсидіарному.

Ученія естественнаго права принесли въ свое время значительную практическую пользу, такъ какъ они имѣли сильное вліяніе на улучшеніе условій юридическаго строя во всѣхъ почти государствахъ западной Европы. Но съ научной точки зрѣнія теорія, выводившая свои начала изъ идей разума, не могла пріобрѣсти прочнаго авторитета. Противъ рационализма и идеалистическаго направленія школы естественнаго права возстала исторія: идея вѣчнаго, неизмѣннаго права была признана несостоятельной, такъ какъ право не есть продуктъ человѣческаго разума, а есть явленіе историческое и потому измѣняющееся, подобно другимъ элементамъ общественной жизни, каковы языкъ, нравы и т. п. Философія принуждена была вступить въ союзъ съ исторіей, но не сразу и не вездѣ она отрѣшилась отъ идеалистическаго направленія. Отказываясь отъ построенія неизмѣннаго права изъ идей разума, она пыталась для всей области права вывести высшіе принципы изъ природы человѣка и человѣчес-

каго общества (Краузе, Аренсъ), какъ-будто природа того и другого есть нѣчто неизмѣнное, стоящее внѣ развитія общественной культуры. Устраненіе всѣхъ этихъ недоразумѣній выпало на долю того направленія въ философіи права, которое принято называть *реалистическимъ*. Это также явленіе не новое и представляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но общая его черта въ настоящее время состоитъ въ стремленіи основать объясненіе дѣйствительныхъ юридическихъ явленій на научныхъ требованіяхъ т. наз. позитивизма. Задачею новой историко-философской науки въ области права стало не отысканіе неизмѣннаго, абсолютнаго права, а изслѣдованіе тѣхъ силъ, которыя лежатъ въ основѣ происхожденія и развитія права, и вообще раскрытіе законовъ юридическихъ явленій.

Таково преобладающее направленіе въ современной наукѣ права, какъ оно отразилось и въ русской литературѣ. О важности и объемѣ задачи этой новой науки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе уже по тому обширному и грандіозному плану работъ, которыя должны лечь въ ея основу. Всѣ возможные факторы развитія права должны быть изслѣдованы. Поэтому, не сходя съ исторической почвы, новая наука права должна вступить въ тѣснѣйшій союзъ со всѣми другими науками, посвященными изслѣдованію общественныхъ явленій, такъ какъ право есть одинъ изъ элементовъ общественной жизни, а въ ряду такихъ наукъ, кромѣ общей социологіи, должна занять первое мѣсто политическая экономія, такъ какъ экономическая жизнь составляетъ главную реальную почву развитія права; сверхъ того, изучая природу общества, неизбежно изслѣдовать прежде всего природу самого человѣка и притомъ ту и другую, на разныхъ ступеняхъ социальной культуры; разумѣется само собою, что изученіе природы человѣка невозможно безъ содѣйствія антропологіи и психологіи, а послѣдней безъ фізіологіи и т. д. Такова приблизительно область работъ, какія считаются необходимыми для построенія новой науки права. Такъ какъ она только зарождается и не вполне еще установились ея элементы и предѣ-

лы связи съ другими отраслями знаній, то нѣтъ еще у этой науки и опредѣленнаго названія: это несомнѣнно историко-философская наука, но быть-можетъ она приметъ имя социологіи или физиологіи права и т. п., въ настоящее же время она сама именуетъ себя просто „наукою права“. Нельзя сказать, чтобы для этой науки еще ничего не было сдѣлано, напротивъ: подготовительныя работы идутъ весьма дѣлательно, число послѣдователей новаго направленія постоянно усиливается, и появилось уже немало попытокъ разработки отдѣльныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія новой науки. Не перечисляя многихъ именъ и сочиненій, стоящихъ во главѣ новаго направленія, достаточно пока указать на труды одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ юристовъ, имя котораго особенно высоко цѣнится въ русской наукѣ и который еще недавно, въ особомъ письмѣ, выразилъ свою глубокую признательность за сочувствіе къ его трудамъ въ средѣ русскихъ юристовъ ¹⁾,—я говорю объ извѣстномъ профессорѣ Герингѣ, который еще съ 50-хъ годовъ, въ числѣ первыхъ провозвѣстниковъ новаго направленія въ Германіи, поставилъ себѣ задачею положить твердыя основы для историко-физиологической теоріи права: начиная съ знаменитаго „Духа римскаго права“, онъ неуклонно стремился осуществить свою задачу какъ въ основанномъ имъ юридическомъ журналѣ ²⁾, такъ и еще болѣе въ задуманномъ имъ обширномъ сочиненіи: „Цѣль въ правѣ“ ³⁾. Судя по началу, трудно еще сдѣлать заключеніе о размѣрахъ предстоящихъ работъ и о результатахъ, которые они дадутъ для построенія цѣльной научной системы. Громадныя затрудненія, лежація на пути къ успѣшному осуществленію предположенной задачи, заключаются уже въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ указанныя выше вспомогательныя науки сами еще, болѣе или менѣе, далеки отъ совершенства и даже, какъ напр. социологія,

¹⁾ Это письмо напечатано въ Журн. гр. и уг. права 1882, № 2.

²⁾ *Jahrbücher für die Dogmatik* и пр. В. I (1857).

³⁾ *Zweck im Recht* (вышедшій въ 1877 году; первый томъ недавно переведенъ на русскій языкъ).

находятся еще, можно сказать, въ зародышѣ. Всюду еще рѣчь идетъ о закладѣ прочнаго научнаго фундамента, при чемъ и соотношеніе между отдѣльными отраслями общественнаго знанія также еще не выяснилось окончательно. Поэтому было-бы еще преждевременно думать о построеніи самостоятельной и твердо-очерченной системы новой науки въ области права.

Тѣмъ не менѣе, самая мысль о научной разработкѣ права, съ точки зрѣнія новаго направленія, обѣщаетъ несомнѣнно плодотворные результаты для тѣхъ изслѣдованій, которыя находятся въ непосредственной связи съ задачею новой науки. И прежде всего, конечно, должна выиграть исторія права, какъ изслѣдованіе развитія положительнаго права даннаго народа или данной эпохи: такое изслѣдованіе не можетъ, конечно, довольствоваться простымъ изложеніемъ событій; оно не можетъ остановиться и на идеѣ „народнаго самосознанія“, такъ какъ подъ эту идею не трудно подвести и такія умо-зрительныя основы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ строгими требованіями положительнаго знанія. Твердыя руководящія начала, на которыя должны опираться историко-юридическія изслѣдованія, и можетъ дать только та наука, которая поставила своей задачею изслѣдовать общіе законы развитія юридическихъ явленій. Такая солидарность исторіи права съ новой наукой понятна сама собою, такъ какъ послѣдняя, въ сущности, есть не болѣе какъ обобщеніе исторіи права, какъ общая ея теорія: въ наши дни и исторія вообще, отрасль которой образуетъ исторія права, прямо характеризуетъ свою научную задачу, какъ изслѣдованіе законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Нѣсколько иное, повидимому, значеніе новой науки по отношенію къ разряду тѣхъ изслѣдованій и системъ, которыя и нынѣ исходятъ отъ мысли объ отдѣльномъ отъ исторіи, самостоятельномъ существованіи „философіи права“. Счеты новой историко-философской науки съ прежней философіей, какъ мы замѣтили выше, дѣйствительно еще далеко не закончены, напротивъ: вопросъ о самостоятельности философіи права, въ отличіе отъ исторіи права, представляется еще и нынѣ от-

крытымъ ¹⁾: и понынѣ, даже независимо отъ мысли о неизмѣнномъ, абсолютномъ правѣ, есть немало приверженцевъ идеалистическаго направленія, въ томъ смыслѣ, что допускается возможность научнаго построенія такихъ началъ, которыя могли бы служить идеаломъ, въ осуществленію коего должно стремиться положительное право, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ для оцѣнки послѣдняго, и такое направленіе держится еще не только въ Германіи, напр. въ духѣ ученія Аренса, но и во Франціи ¹⁾. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробную оцѣнку этого направленія, тѣмъ болѣе что у насъ еще впереди особая, специальная задача, ради которой собственно и написана настоящая рѣчь; мы ограничимся лишь немногими словами, но поставимъ вопросы прямо: можетъ-ли новая, позитивная наука права замѣнить собою идеальную философію права или сдѣлать послѣднюю излишней, и если нѣтъ, то можетъ-ли эта философія удовлетворять требованіямъ научности?

Если новая наука права, съ точки зрѣнія позитивизма, имѣетъ задачею раскрыть законы развитія юридическихъ явленій, то, хотя она изслѣдуетъ не только причины, но и по-

¹⁾ См. напр. статьи Меркеля и Шютце объ отношеніи философіи права къ наукѣ права, въ *Zeitschrift Grünhuts* т. I (1874) и VI (1879), и статью въ послѣднемъ номерѣ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft* (B. III, 1881, 2-tes Heft) подъ заглавіемъ «*ist eine Rechtsphilosophie überhaupt möglich, und unter welchen Bedingungen?*»

²⁾ См. напр. Fouillée, *La science sociale contemporaine*, P. 1880. Вотъ его слова: «le caractère propre de la méthode française, c'est d'accorder le premier rang à l'étude de l'idéal que la société doit réaliser» (p. 56). И въ другомъ его сочиненіи: *L'idée moderne du droit* (P. 1878) таже мысль высказана еще рельефнѣе: «la science sociale et politique, plus encore que toute autre, doit tenir compte de l'idéal dans ses principes et dans ses applications. La science sociale en effet tend à la pratique, et il n'y a point de pratique sans idéal ... Là est le côté vrai, là sont la grandeur et la force de la doctrine française ... Une législation civile, une constitution politique, doivent sans doute être faites pour la réalité, mais elles doivent être faites en même temps pour l'idéal: c'est ce qu'oublient les naturalistes et l'école historique ... La considération de l'idéal est aussi indispensable au jurisconsulte et au politique que l'étude de la géométrie pure au mécanicien ... Si le droit et la liberté ne sont point une réalité, ne sont-ils pas du moins un idéal?»

слѣдствія этихъ явленій и, слѣдовательно, направлена къ изслѣдованію тѣхъ цѣлей и интересовъ, которые лежатъ въ основѣ развитія права, но можетъ-ли она останавливаться на практической оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ явленій, въ правѣ-ли она подвергать ихъ критикѣ, въ правѣ-ли изречать свое одобрение или порицаніе? Ея задача, въ сущности, чисто-историческая; ея дѣло лишь объяснить, почему изучаемое право является такимъ или инымъ, и хотя ея изслѣдованія могутъ, и то лишь до извѣстной степени, вести къ предвидѣнію будущаго развитія права ¹⁾, но она не ставитъ и не рѣшаетъ прямо вопроса: какимъ *должно* быть право? Въ этомъ смыслѣ реалистическая теорія права сходится съ науками естественными, и если изслѣдователь историческихъ законовъ права сочтетъ полезнымъ отнести къ явленіямъ критически, дать имъ практическую оцѣнку и даже какой-либо законъ явленія, какъ это нерѣдко дѣлается вслѣдствіе смѣшенія понятій, обработать въ желательную норму, то всего этого ниско, конечно, ему воспретить не можетъ, но это будетъ очевидно контрабанда, инородная примѣсь, такъ какъ практическая оцѣнка и идеализація какого-либо принципа, по существу дѣла, совершенно выходятъ за предѣлы задачъ исторической теоріи права. Правда, историческая теорія права говоритъ также о цѣляхъ, но лишь въ смыслѣ причинъ или мотивовъ происхожденія права, а не въ смыслѣ желательныхъ явленій. Справедливо сказалъ Милль: „тѣ, кто занимается человѣческою природою и обществомъ, всегда берутся говорить не только то, что есть, но и то, что должно быть; научная теорія, какъ бы она ни была совершенна, никакъ не можетъ замѣнить телеологіи“ ²⁾. Если такъ, то должна-ли въ научной области пра-

¹⁾ Милль и въ этомъ сомнѣвается: признавая, что явленія общественныя под- лежатъ неизмѣннымъ законамъ, онъ говоритъ: «нѣтъ надежды, чтобы эти законы, хотя бы они были намъ извѣстны съ такою же достоверностію и полнотою, какъ законы астрономіи, дали намъ возможность предсказывать исторію общества, подобно тому какъ могутъ быть предсказаны явленія небесныя». Система Логик. т. II, стр. 550—551.

²⁾ Система Логик, II, 535.

ва получить себѣ мѣсто особая теорія, имѣющая предметъ выясненіе желательныхъ цѣлей и построеніе идеаловъ юридическаго быта? При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ, кажется, имѣть въ виду, что явленія юридическія нельзя приравнивать къ явленіямъ міра физическаго: послѣднія стоятъ внѣ свободы человѣка; изслѣдователь можетъ еще приспособлять ихъ къ потребностямъ человѣка, но измѣнить не въ силахъ. Такова ли природа общественныхъ явленій вообще и въ частности явленій юридическихъ? Право, со всѣми его институтами, создается и измѣняется, хотя и подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій, но не иначе какъ при посредствѣ дѣятельности людей: право нельзя считать за такое явленіе, которое возникаетъ и развивается независимо отъ человѣческой мысли и воли ¹⁾. Для дѣятельности, направленной къ установленію или измѣненію права, должны несомнѣнно существовать и руководящія начала. Она руководится, конечно, не только опытомъ жизни, но и указаніями исторіи. Но исторія указываетъ лишь на различные пути и направленія, не давая имъ практической оцѣнки, не дѣлая между ними выбора: давая лишь обобщеніе явленій, она не возвышается надъ фактомъ, не подвергаетъ его жизненной критикѣ; для нея, строго говоря, то или другое содержаніе или направленіе положительнаго права совершенно безразлично. Между тѣмъ для жизни, неумолчно заявляющей свои требованія, это не безразлично. Ей нужны непосредственно не историческіе законы, обобщающіе самыя разнообразныя цѣли и интересы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и безстрастіемъ: ей нужны идеи съ опредѣленнымъ внутреннимъ содержаніемъ—идеи добра, свободы, прогресса, которыя бы служили критеріемъ какъ для оцѣнки дѣйствительныхъ явленій, такъ и для направленія правосозидаю-

¹⁾ И Герингъ, хотя находитъ субстанцію права не въ волѣ, а въ цѣли, но говоритъ: «das Recht ist keine Pflanze, sondern ein Stück menschlichen Denkens»,—«nicht das Werk einer blind waltenden Naturkraft, sondern das Verdienst und die freie That des denkenden Geistes». Geist des R. R. III, 306, 307. Ср. также Sarwey, Das öffentliche Recht, Tüb. 1880, S. 13: «Die Rechtsordnung ist der Ausfluss des menschlichen Willens, das Produkt seiner That».

щей дѣятельности. Стало быть, ей нужна и теорія, которая бы служила научнымъ выраженіемъ этихъ идей, которая бы исходила изъ того взгляда, что право есть средство къ осуществленію идеи добра и справедливости (*jus est ars boni et aequi*), и что, слѣдовательно, оно само должно быть „правственнымъ“, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Возможна-ли, однако, такая теорія въ смыслѣ научномъ? Вопросъ этотъ рѣшается, обыкновенно, вполне отрицательно. Если бы эта теорія стремилась создать неизмѣнное нормальное право, какъ дѣлали строители естественнаго права, то споръ противъ указаннаго рѣшенія былъ бы совершенно бесплоденъ, ибо право есть несомнѣнно такое явленіе, которое измѣняется и должно измѣняться въ уровень съ измѣненіемъ потребностей общества. Допустимъ также, что высшіе принципы права не могутъ быть выводимы изъ природы человѣка и общества, какъ дѣлали другіе идеалисты, такъ какъ эти источники принадлежатъ также къ явленіямъ измѣняемымъ, хотя, замѣтимъ, нѣкоторые постоянныя свойства ихъ, напр. эгоистическое начало въ природѣ человѣка и нѣкоторые неизбѣжныя условія каждой формы общежитія, едва-ли подлежатъ сомнѣнію. Наконецъ, мы не стали бы и на сторонѣ рационалистовъ, думавшихъ найти готовый складъ высшихъ принциповъ права въ человѣческомъ разумѣ, если бы это стремленіе слѣдовало понимать буквально. Противъ такого направленія и говорятъ обыкновенно, что идея права, выведенная изъ такого источника, какъ разумъ, не имѣетъ силы объективнаго начала, а субъективныя воззрѣнія, сами по себѣ, лишены научнаго значенія: таково именно одно изъ основныхъ возраженій противъ школы естественнаго права ¹⁾. Основательно-ли такое, повидимому, неотразимое возраженіе? Идея права, по словамъ самихъ рационалистовъ, начертана въ человѣческомъ разумѣ, но вѣдь это разумъ не отвлеченный, а воспитанный на лонѣ жизни и ея потребностей, такъ какъ и самъ

¹⁾ Напр. Arnold, *Recht und Wirthschaft*. Basel. 1868, S. 5. Bluntschli, *Geschichte der neueren Staatswiss.* 3 Aufl. 1881, S. 394 и др.

человѣкъ есть существо общественное (*zoon politicon*); притомъ воззрѣнія, приписывавшіяся разуму индивидуальному, несомнѣнно отражали въ себѣ, говоря вообще, идеи всего человѣчества. Идеи, выражающія собою стремленія людей къ свободѣ и благосостоянію, свойственны всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и представляютъ, при разнообразныхъ формахъ выраженія, поразительное однообразіе, не только въ цѣляхъ, но даже отчасти и въ средствахъ,—однообразіе, которое подмѣчено было еще Цицерономъ въ извѣстной его тирадѣ о вѣчномъ законѣ правды. Если же такимъ идеямъ нельзя отказать въ характерѣ объективности, то не могутъ ли онѣ сами быть предметомъ теоріи, обобщенія, независимо отъ историческаго ихъ значенія въ развитіи права? Такая теорія, повидимому, и могла-бы имѣть своей задачей—въ неумолкающемъ голосѣ стремленій всего человѣчества уловить и формулировать основныя идеи, которыя служили бы критеріями для оцѣнки существующаго и двигателями общественнаго развитія, и не одна система такихъ идей, но и самостоятельное изслѣдованіе причинъ ихъ происхожденія, разныхъ формъ выраженія (не въ однихъ системахъ философовъ) и внутренней солидарности,—могли бы быть задачей указанной теоріи.

Далѣе такого общаго предположенія мы, однакоже, не идемъ, предоставляя другимъ выяснить немаловажный въ данномъ случаѣ вопросъ объ отношеніи науки къ искусству. Для насъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что изслѣдованія въ указанномъ направленіи всегда имѣли и будутъ имѣть самостоятельную цѣну, ибо они направлены къ раскрытію тѣхъ общечеловѣческихъ стремленій и идей, которыя ищутъ своего осуществленія въ жизни дѣйствительной. Но, съ другой стороны, несомнѣнно также, что для примѣненія этихъ идей къ жизни, въ области т. н. политики права, онѣ сами нуждаются въ строгой проверкѣ: онѣ должны считаться со всѣми возможными условіями осуществимости идеаловъ, чтобы не превратиться въ утопіи и безплодныя мечтанія. Тутъ руку помощи безспорно можетъ подать только та наука, которая изучаетъ законы явленій со всей ихъ жизненной обстанов-